

Птица вела себя дерзко: когда она сбила клювом крышку книжного кофра, это походило на хищника, пикирующего на добычу, за чем последовала яростная, свирепая грызня, выглядевшая крайне пугающе.

Однако, опустив взгляд, Сяо Чжоцин увидел, что огромный орел усердно уплетает за обе щеки, а его острый клюв весь измазан жиром и крошками от печенья.

Он на миг умолк.

Кажется, утром Фусюэ упоминал вскользь, что старшая барышня приготовила для него сегодня нанские пирожные с финиками и ямсом.

Сяо Лин страсть как любила сладкое и не выносила мяса; стряпня ее личной кухни славилась на весь особняк – такое угощение не нарушило бы даже монашеский обет.

...Неужели беркуты – всеядные животные?

Внезапно Дунцзюнь испустил короткий, пронзительный вопль, похожий на писк придушенного цыпленка.

Сбоку протянулась рука с четко очерченными суставами и мертвой хваткой вцепилась орлу в шею.

Сяо Чжоцин испуганно вздрогнул и увидел, что неизвестно когда появившийся Фэн Юаньси сжимает шею Дунцзюня, вытаскивая его из книжного кофра со странным видом, будто он ловил курицу или утку.

Дунцзюнь отчаянно захлопал крыльями, во все стороны полетели перья.

– ...Не стоит, это всего лишь пара пирожных, – заметив, с каким видом тот собирается придушить орла, Сяо Чжоцин торопливо попытался его остановить.

Однако Фэн Юаньси лишь заглянул в его кофр.

Клюв беркута остр, словно крюк, и на охоте он убивает жертву с одного удара, но стоило ему забраться воровать сладости, как он неизбежно рассыпал их повсюду.

Внутри кофра царил полный беспорядок, и даже в трактате «Шан шу» птичий клюв проклевывал две дыры.

Лицо Фэн Юаньси помрачнело. Держа птицу за шиворот, он развернул ее и, словно мешок, несколько раз тяжело встряхнул вверх-вниз.

– Выплюни.

Дунцзюнь вновь выдал серию цыплячьих трелей.

– Полноте, Ваше Величество, они мне больше не нужны, – опасаясь, что человек и птица и впрямь подерутся, Сяо Чжочин был вынужден шагнуть вперед, пресекая это.

В возникшей суматохе он в спешке накрыл ладонью запястье Фэн Юаньси.

Выступающая косточка больно впилась ему в ладонь, однако это возымело действие, и Фэн Юаньси замер.

Дунцзюнь все еще трепыхался в его руке, но сам он перевел взгляд на ладонь, лежащую на его запястье.

– ...Он испортил твои вещи, – помолчав, произнес он, глядя на Сяо Чжочина.

– Всего лишь книга, ее содержание этот подданный помнит наизусть, – ветер, поднятый огромными крыльями Дунцзюня, мешал Сяо Чжочину раскрыть глаза; отступив в сторону, он увернулся, и ему было некогда гадать, что за выражением лица наделен Фэн Юаньси.

– А это? – с упрямством в голосе Фэн Юаньси посмотрел на кофр.

– Всего лишь снесь, что старшая сестра велела собрать, дабы я не морил себя голодом вдали от дома...

Фэн Юаньси разжал пальцы, и Дунцзюнь, пролетев какое-то расстояние, шлепнулся на пол.

Огромный орел сложил крылья и, словно осознав свою вину, виновато опустив голову, семенил к своему золотому насесту.

Лапы у него были длинные, с широким шагом, поэтому при ходьбе он растопыривал их, заложив крылья за спину, и переваливался из стороны в сторону, напоминая пойманного с поличным воришку, который тайком пытается сбежать.

Сяо Чжочин на мгновение замер.

...Разве прежде не ходили слухи, будто он питается живыми человеческими глазами?

- Жди здесь.

Внезапно бросил стоявший рядом Фэн Юаньси.

Сяо Чжочин обернулся и увидел, что Фэн Юаньси уже вышел из зала Изогнутой Террасы. Раздался резкий свист, и вороной конь с лоснящейся, сильной шкурой примчался галопом, грациозно останавливаясь прямо перед ним.

Юноша вскочил в седло и в мгновение ока скрылся из виду.

Сяо Чжочин даже не успел его остановить.

Скакун появился стремительно и исчез так же быстро - в следующее мгновение вокруг остались лишь качающиеся на ветру листья да пара редких дворцовых слуг, подметавших землю.

...Куда это он? Вернется ли еще к учебе?

Евнух Ло с доброй улыбкой приближался к нему, казалось, уже привыкнув к подобным нелепым сценам. Принявшись помогать Сяо Чжочину разбирать книжный кофр, он поинтересовался, не предпочитает ли тот чай «Цзинь Цзюнь Мэй» или «Би Ло Чунь».

- Скажите, Его Величество он...

Евнух Ло бросил взгляд на выход.

- Ничего страшного, господин Сяо обождите немного, Император вернется.

В просторном зале стояла тишина. Подав чай, евнух Ло тоже удалился. Оставшись лицом к лицу с потерпевшим фиаско сладкоежкой Дунцзюнем, Сяо Чжоцин спустя мгновение просто велел Фусюэ открыть другой книжный кофр.

В этом коробе лежали бумаги, которые он должен был брать с собой при каждом посещении ведомства, - там находились не дочитанные им судебные дела, составлявшие его послеполуденные обязанности.

Делать было нечего, и Сяо Чжоцин развернул свитки. Пристроившись за столом с кистью и тушью, он принялся читать и писать одновременно, постепенно теряя счет времени.

В этот момент из-за двери донесся насмешливый голос:

- Ого, господин Сяо, с каких пор вы здесь коротаете время в одиночестве?

Подняв глаза, Сяо Чжоцин увидел Ши Сюэзе, которого не встречал уже давно.

Со дня их расставания в зале Изогнутой Террасы прошло немало времени, и Сяо Чжоцин успел отвыкнуть от его общества. Бросив взгляд за порог, он заметил солнечные часы: бронзовый гномон отбрасывал длинную тень, указывая на то, что наступил полдень.

Сяо Чжоцин молча кивнул в знак приветствия, собирая со стола свитки в преддверии визита в храм Дали.

Однако Ши Сюэзе преградил ему путь, скрестив руки на груди.

- А у господина Сяо завидное рвение. Стоит Императору прогулять лекцию, как вы тут же превращаете это место в судебную палату, - лицо его сияло, а взгляд, устремленный на Сяо Чжочина, источал нескрываемое торжество.

- На недавнем утреннем докладе я еще ломал голову над тем, как это вам удалось выдрессировать Императора до такой степени послушания, что меня допрашивали прямо в зале Безмятежного Правления, - он вновь скрестил руки. - Оказывается, Император-то вовсе не слушает ваших уроков.

Сяо Чжоцин слегка удивился, не понимая, чему тот радуется.

А Ши Сюцзе меж тем переполняла гордость.

Конечно же, Сяо Чжоцин не ведал, что в тот день, когда Фэн Юаньси ворвался в тронный зал, Ли Хэюн отвел Ши Сюцзе в сторону и отчитал его.

- Вы оба наставники, почему же Император так благоволит Сяо Чжочину? - укорял Ли Хэюн. - Вы помните, для чего вас ввели во дворец? Раз Император столь бдителен, как вы намерены исполнить возложенный на вас долг?

Ши Сюцзе все еще упорствовал:

- Откуда мне знать, какими обходными путями воспользовался Сяо Чжоцин?

Ли Хэюн холодно фыркнул:

- Поверь, никаких уловок он не использовал. День за днем он проповедует мудрость точно так же, как и ты.

Ши Сюцзе не поверил:

- Кто вам сказал?

Ли Хэюн бросил на него бесстрастный взгляд.

- Ты полагаешь, кроме тебя при дворе князя никто не служит?

Ши Сюцзе умолк.

Сознавая свою неправоту, он покорно снес нагоняй, однако на душе скребли кошки.

Способы усмирения Фэн Юаньси были заранее обговорены с князем и господином Ли, и те не выражали возражений.

Но в итоге появился некий Сяо Чжочин и играючи укротил этого безумца, не признающего никого вокруг, отчего сам Ши Сюэзе выглядел круглым дураком.

Но что мы видим теперь? Даже Сяо Чжочин не способен совладать с Императором, а тот визит Фэн Юаньси в зал Безмятежного Правления был, должно быть, простой случайностью!

В эту секунду сзади донесся конский топот.

Стоило Ши Сюэзе оглянуться, как непроглядно-черная тень заслонила большую часть света, протянувшись от самого порога дворца вплоть до его спины.

– А-а-а!! – завопил он, точно столкнувшись с демоном, и, кубарем скатываясь, бросился в сторону.

Сяо Чжочин тоже испуганно отпрянул.

Фэн Юаньси, управляя конем, взмыл прямо по каменным ступеням, напоминавшим горный склон, и въехал в зал верхом. Человек и конь пронеслись подобно буре; Ши Сюэзе даже не успел увернуться – его отбросило в сторону, и он кубарем влетел в висевшие неподалеку портьеры.

Скакун плавно замер перед Сяо Чжочином. Фэн Юаньси легко спрыгнул на землю и опустил перед ним тяжелый лаковый ларец черного цвета.

– Держи.

Сяо Чжочин остолбенел.

На лаковой поверхности был вырезан узор из переплетенных ветвей; ларец выглядел массивным и основательным, и что-то в нем казалось смутно знакомым.

В тот день, когда князь Лянь велел проводить его в павильон Глубины Познания, сановники как раз угощались там чаем, и на углу каждого стола стоял точно такой же ларец.

Сейчас от коробки исходил еле заметный жар – крышка лакированного сундучка была горячей на ощупь.

Клубы пара вырвались наружу, и Сяо Чжоцин с изумлением воззрился на изысканные, еще не остывшие угощения.

Массивный ларец насчитывал добрых четыре яруса; они были заполнены до отказа.

– Это...

– Еда, – лаконично бросил Фэн Юаньси.

...Он и сам догадывался, что это еда.

– В возмещение ущерба, – Фэн Юаньси слегка приподнял руку, и конь послушно отбежал в сторону легкой рысью, в то время как за занавесками все еще барахтался Ши Сюцзе, напоминавший случайно попавшего на небесную свадьбу Чжу Бацзе.

– Где вы раздобыли это? – поинтересовался Сяо Чжоцин.

– В службе императорского питания, – ответил Фэн Юаньси. – У них не было готового, пришлось велеть готовить с нуля, оттого и задержался.

Сяо Чжоцин собственными глазами видел все в павильоне Глубины Познания в тот день, а позже слышал пересуды в храме Дали. Если память его не подводила...

– Да как вы посмели помыкать личными поварами князя Ляня!

Ши Сюцзе наконец вынырнул из-за портьер и, бросив взгляд на яства в ларце, вытаращил глаза.

Князь Лянь отличался крайним привередничеством в еде, и чайные сладости для него готовила особая артель поваров, обслуживавших исключительно его трапезы и недоступная никому другому.

Фэн Юаньси бросил на него пренебрежительный взгляд, и Ши Сюэцзе содрогнувшись, вновь спрятался за занавеску.

Благородный муж умеет сгибаться и разгибаться, а у этого императора явно не все дома – чуть зазеваешься, и он голову с плеч снимет, так что незачем с этим психом связываться...

В конце концов, месть благородного мужа и через десять лет не поздно свершить!

Сяо Чжочин тоже испытывал некоторое удивление.

– Ваше Величество, они вам подчиняются? – свита князя Ляня всегда отличалась заносчивостью и, по идее, не должна была повиноваться приказам этого монарха.

– Не подчиняются, – признал Фэн Юаньси. – Но я был с мечом.

Сяо Чжочин: «...А?»

– Ешь смело, – Фэн Юаньси хранил безмятежное выражение лица, словно так и должно было быть. – Кровь на них не попала.

Сяо Чжочин и сам не знал, с какими чувствами принял этот высочайший дар.

Ларец оказался тяжелым – Фусюэ едва удержал его в руках, когда подхватил. Поклонившись на прощание и покидая пределы зала Изогнутой Террасы, Сяо Чжочин все же замедлил шаг и со сложным чувством посмотрел на государя.

– Что такое?

– Ваше Величество, если в том нет крайней нужды, умоляю вас воздержаться от убийств, – мягко увещевал Сяо Чжочин.

- В этот раз я никого не убил, - возразил Фэн Юаньси.

Если бы не бесстрастный тон, Сяо Чжоцину могло бы показаться, что Фэн Юаньси оправдывается перед ним.

Но все же...

Пребывая в растерянности перед лицом этого черного юмора, облеченного в форму утвердительного предложения, Сяо Чжоцин помолчал, а затем произнес:

- Тогда прошу Ваше Величество проявить усердие и постараться никого не убивать и в следующий раз.

- Учту.

Быть может, советники из древних летописей, отваживавшиеся на прямые увещания, тоже переживали столь неловкие моменты. Так или иначе, монарх внял совету, и Сяо Чжоцин молча удалился.

Карета давно ждала у дворцовых ворот. Завидев выходящего господина, кучер принялся спускать подножку и затараторил:

- Молодой господин, Чжаое поджидает вас внутри!

Чжаое? Неужели от Ван Юаня поступили какие-то вести?

Сяо Чжоцин немедленно поднялся в повозку.

Занавески качнулись, и Чжаое сообщил с явным воодушевлением:

- Просто чудо, молодой господин! Всё в точности как вы и предполагали - этот Ван Юань сегодня тайком выскользнул из дома и направился прямо к ломбарду!

- В какой ломбард? - тут же спросил Сяо Чжоцин.

Чжаое ответил:

- В самый крупный во всем Ецзине - ломбард «Мир и покой»!

Долгожданный шанс наконец представился.

Устроившись поудобнее в карете, Сяо Чжочин крепко сжал пальцы на коленях.

– Трогай, – приказал он. – В ломбард «Мир и покой».

<http://bllate.org/book/18810/1865687>